

Теория сюжета

Научная статья

УДК 821. 1611

DOI 10.25205/2713-3133-2024-3-5-13

ИмPLICITНЫЙ МОТИВ И ЕГО РОЛЬ В СЮЖЕТИКЕ А. С. ПУШКИНА

Юрий Васильевич Шатин

Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

shatin08@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2725-2836>

Аннотация

Рассматривается понятие имплицитного мотива. Автор статьи полагает, что его специфика заключается в том, что он не проявляет себя в сюжете и не оказывает прямого воздействия на развитие действия. Его предназначение в другом: соединять далеко отстоящие друг от друга тексты в сверхтекстовые единства, организующие авторскую модель мира. На примере трех произведений А. С. Пушкина – «Моя родословная», «Езерский» и «Медный всадник» – показывается, как имплицитный мотив родословной создает такое единство.

Ключевые слова

имплицитный мотив, сверхтекстовое единство, Пушкин, родословная

Для цитирования

Шатин Ю. В. Имплицитный мотив и его роль в сюжетике А. С. Пушкина // Сюжетология и сюжетография. 2024. № 3. С. 5–13. DOI 10.25205/2713-3133-2024-3-5-13

Implicit Motive and Its Role in the Plot of A. S. Pushkin

Yurii V. Shatin

Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

shatin08@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2725-2836>

Abstract

The article examines the concept of implicit motive. Its specificity lies in the fact that it does not actively manifest itself in the plot and does not directly influence the development of the

© Шатин Ю. В., 2024

eISSN 2713-3133
Сюжетология и сюжетография. 2024. № 3. С. 5–13
Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis], 2024, no. 3, pp. 5–13

action. Its purpose is different: to connect texts that are far apart from each other into super-textual unites, organizing the author's model of the world. Using the example of three works by A. S. Pushkin – “My Pedigree”, “Yezerky” and “Bronze Horseman” show how ancestry motive creates such unity. “My Pedigree”, written three years before the other two texts, reflected Pushkin's dual position: an impoverished aristocrat among poets and a poet among the wealthy nobility. Thus, the poem turned out to be a rhetorical invective directed at two addressees: against the literary party of Bulgarin, on the one hand, and against the new nobility, on another. In the first case, Pushkin's victory was unequivocal and consolidated the poet's fame for centuries. It was more difficult with another addressee: the nobility, very far from the literary struggle and who continued to look at Pushkin with considering disdain. A reflection of continuing duality was the poet's rejection of direct rhetoric and the transition to poet-ics, where the autobiographical motive of ancestry was transformed into fate of fictional characters: first Andrey Yezerky, then Eugene from “The Bronze Horseman”. Such a transition, in our opinion, gives grounds to consider the three works as a single super text.

Keywords

implicit motive, super text, Pushkin, ancestry

For citation

Shatin Yu. V. Implicit Motive and Its Role in the Plot of A. S. Pushkin. *Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis]*, 2024, no. 3, pp. 5–13. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2024-3-5-13

Ах, королева, – игриво трещал Коровьев, – вопросы крови – самые сложные вопросы в мире <...> Я ничуть не погрешу, если, говоря об этом, умолчу о причудливо тасуемой колоде карт. Есть вещи, в которых совершенно недействительны ни сословные перегородки, ни границы между государствами. Намекну: одна из французских королев, жившая в шестнадцатом веке, надо полагать, очень изумилась бы, если бы кто-нибудь сказал ей, что ее прелестную прапраправнучку я по прошествию многих лет буду вести под руку в Москве по балным залам (Булгаков, 1999, с. 387).

В этом эпизоде устами Коровьева Булгаков манифестирует один из парадоксальных мотивов, во многом меняющих представление о художественных потенциях литературного сюжета, его функциях, статусе персонажей и, в итоге, о законах текстопорождения. Как известно, традиционная парадигма включает семь основных типов актантов: отправитель, герой, ложный герой, вредитель, даритель, волшебное средство, искомое средство. Несмотря на то что В. Я. Пропп, впервые предложивший эту схему, жестко ограничил ее жанром волшебной сказки, последующее развитие сюжетологии распространило ее на практически неограниченное число текстов и жанров. Как показал К. Бремон, «с неизбежностью возникает вопрос о возможности перенесения метода Проппа на иные корпуса сказочных текстов и даже на иные жанры» [Бремон, 1983, с. 431].

Для придания схеме Проппа универсализма, о котором пишет Бремон, требуется, на наш взгляд, важное дополнение в существующую теорию сюжета и мотива. В написанной около ста лет назад «Теории литературы» Б. В. Томашевский разделил мотивы на две группы. «При простом пересказе фабулы произведения мы сразу обнаруживаем, что можно опустить, не разрушая связности повествования, и чего опустить нельзя, не нарушив причинной связи между событиями. Мотивы, не исключаемые, называются связными; мотивы, которые можно устранять, не нарушая цельности причинно-временного хода событий, называются свобод-

ными» [Томашевский, 1996, с. 183]. В свою очередь, мы полагаем, что наряду с оппозицией «связность vs свобода» важную роль играет другое противопоставление: «эксплицитность vs имPLICITность».

Если все эксплицитные мотивы так или иначе связаны с парадигмой Проппа – Бремона, то имPLICITные глубоко укорены в структуру текста, хотя зачастую и не обнаруживаются в процессе чтения в рамках отдельно взятого текста. Их функция совершенно другая и заключается в установлении межтекстовых связей и создании в результате сверхтекстовых единств. В сущности, имPLICITные мотивы не являются ни связными, поскольку их нельзя обнаружить в отдельных звеньях фабулы, ни свободными, поскольку, исключив их из круга рассмотрения, мы резко ограничиваем потенциальный художественный смысл произведения. Метафорически такие мотивы можно уподобить трансурановым элементам в периодической системе Менделеева. С одной стороны, они выходят за рамки обозначенных групп, с другой – именно способ их существования обуславливает более сложную картину мира в сравнении с той, что представлялась при создании таблицы.

Как пример такого мотива мы будем рассматривать мотив родословной. ИмPLICITный мотив родословной противоположен внешне близкому ему эксплицитному мотиву узнаваемого родства, знакомому по многим текстам («Оливер Твист», «Собор парижской Богоматери», «Униженные и оскорбленные» и ряду других образований, включая сериалы индийского кино). Будучи эксплицитным, такой мотив решающим образом определяет фабулу, придавая ей неизбежный детективно-авантюрный оттенок. ИмPLICITный мотив, напротив, не обнаруживается в поверхностной структуре текста и напоминает ловко тасуемую колоду карт, о которой Коровьев говорит Маргарите. Оказавшись за пределами фабулы, имPLICITный мотив обретает гипертекстуальный статус, позволяя, как уже говорилось, связывать далеко отстоящие тексты одного автора в единый сверхтекст. Говоря о родословной, мы попытаемся рассмотреть три текста А. С. Пушкина – «Моя родословная» (1830), «Езерский» (1832, 9 строф из 15 которого были напечатаны в III томе «Современника» за 1836 г. под названием «Родословная моего героя») и «Медный всадник». Напомним, что в первом случае действующим лицом оказывается сам автор, во втором – Иван Езерский, в третьем – Евгений, задающий галерею маленьких людей в русской литературе. Мы попытаемся показать, что вопреки различиям, но благодаря мотиву родословной все три актанта оказываются вариациями одного и того же типа, отразившего процесс люмпенизации родовой аристократии, теряющей свой социальный статус перед наступающим олигархическим капиталом.

Среди приемов, объединяющих фигуры персонажей в один художественный тип, следует прежде всего отметить осцилляцию – колебание маятника текста между фабульным величием и сюжетной иронией. Вполне вероятно, что подобная осцилляция была характерна и для других текстов, являясь не только одним из основных признаков поэтики Пушкина, но и моделью литературного поведения поэта. Недаром, как утверждают исследователи, буквально по следам трагических событий, связанных с наводнением, «...в письмах конца 1824 года из Михайловского брат поэта, Лев Сергеевич, дважды встретил остроту, предназначенную для дальнейшего хождения: “Voilà une belle occasion à vos dames de faire bidet”» [Осипов, Тименчик, 1987, с. 7].

Вместе с тем с течением времени подобная осцилляция приобретала всё более драматический характер с отчетливыми признаками трагифарса. И в этом преобразовании, весьма вероятно, мотив родословной сыграл важную роль. Неслучайно его появление относится к началу 1830-х гг., когда Пушкиным явственно обнаружился разрыв между необходимостью самодостаточности роли поэта и усиливающейся коммерциализацией литературного процесса. Недаром четверть века спустя мотив денег приобретет едва ли не самое существенное значение в прозе Достоевского и поэзии Некрасова. В этой ситуации Пушкин в среде своих братьев по литературному цеху всё больше рассматривался как инородное тело: аристократ среди поэтов и поэт среди аристократов. Пожалуй, наиболее точно эту ситуацию описал в «Дневнике» А. В. Никитенко буквально за несколько дней до трагической гибели поэта 21 января 1837 г. Пушкин «...сделался большим аристократом. Как обидно, что так мало ценит себя как человека и поэта и стучится в один замкнутый кружок общества, тогда как мог бы безраздельно царить над всем обществом. Он хочет прежде всего быть баринком, но ведь барин у нас тот, у кого больше дохода. К нему так не идет этот жеманный тон, эта утонченная спесь в обращении, которую завтра же может безвозвратно сбить опала» (Никитенко, 1955, с. 193).

Именно мотив аристократа – без доходов, с одной стороны, и злые насмешки, исходящие из круга Ф. В. Булгарина, с другой, обусловили внутренне болезненный интерес к мотиву родословной, сначала в автобиографическом варианте – «Моя родословная» (1830), а затем в глубоко скрытом виде в «Родословной моего героя» («Езерском», 1832–1833) и «Медном всаднике» и открыли тем самым дорогу к сверхтекстовому единству указанных произведений.

«Моя родословная» – произведение прежде всего риторическое. В нем трудно обнаружить мастерскую отделку, свойственную большинству поэтических образцов Пушкина. Назначение «Моей родословной» в другом: очертить контуры будущих преобразований мотива родословной, задать старт этому сверхтекстовому единству. Отсюда – абсолютное преобладание риторических фигур над поэтическими тропами.

Композиция пушкинского произведения также подчинена классической схеме Аристотеля, когда зерном развития темы становится энтимема, подкрепляемая серией примеров.

Понятна мне времен превратность,
Не прекословлю, право, ей:
У нас нова рожденьем знатность,
И чем новее, тем знатней.
Родов дряхлеющих обломок
(И по несчастью не один),
Бояр старинных я потомок:
Я, братцы, мелкий мещанин!
(Пушкин, 1977, т. 3, с. 197)

Последний стих строфы взрывает привычную для большинства энтимем доксу, придавая последующему изложению парадоксальный характер. Причем для обострения парадоксальности примеров Пушкин использует фигуру антистрейфона, обращая возможную аргументацию оппонентов в свою пользу. Точ-

ность примеров усиливает благодаря узнаванию резкость выпадов против новой знати.

Не торговал мой дед блинами (А. Д. Меншиков. – *Ю. Ш.*),
В князя не прыгал из хохлов (А. А. Безбородко. – *Ю. Ш.*),
Не пел с придворными дьячками (А. Г. Разумовский. – *Ю. Ш.*),
Не ваксил царских сапогов (И. П. Кутайсов. – *Ю. Ш.*)
(Пушкин, 1977, т. 3, с. 197).

Полнос иронии усиливает риторический эффект стихотворения при движении маятника в противоположную сторону – торжественного одического высказывания.

Мой прадед Рача мышцей бранной
Святому Невскому служил;
Его потомство гнев венчанной
Иван Четвертый пощадил
(Пушкин, 1977, т. 3, с. 197).

И, наконец, *Post scriptum*, носящий характер возвратного удара, направленного против Булгарина, где возникает образ Петра, принявшего в русское подданство еще одного предка Пушкина.

Сей шкипер был тот шкипер славный,
Кем наша двинулась земля,
Кто придал мощно бег державный
Рулю родного корабля
(Пушкин, 1977, т. 3, с. 199).

Несомненно, «Моя родословная» 1830 г. открывает путь к двум следующим произведениям Пушкина – «Езерскому» и «Медному всаднику». Какова же роль мотива родословной в этом произведении с учетом последующей перспективы? В «Моей родословной» мотив, вынесенный в заглавие, оказывается ведущим и в этом смысле эксплицитным. Однако не следует забывать, что его действие целиком находится в сфере риторики, не захватывая поэтику. Поверхностная структура мотива родословной оказывается в данном случае своеобразной дуэлью, одновременно адресованной двум совершенно разным адресатам: литературной партии, которая, «смеясь жестоко над собратом, / писаки русские толпой / меня зовут аристократом», и партии новой олигархической знати. В первом случае Пушкин однозначно вышел победителем, на века обозначив дистанцию между собой и соперниками. Но оставался второй адресат, мало озабоченный литературной борьбой, но не желавший видеть в обедневшем роде Пушкиных равных себе.

Я грамотей и стихотворец,
Я просто Пушкин, не Мусин,
Я не богач, не царедворец,
Я сам большой, я мещанин
(Пушкин, 1977, т. 3, с. 198).

Можно лишь догадываться, в какой степени эта постоянно заглушаемая боль терзала Пушкина – поэта и человека. Несомненно одно: она настойчиво диктовала

Теория сюжета

тему, где родословная, глубоко скрытая за другими, эксплицированными, мотивами, реализовывала скрытый художественный сюжет.

Зимой 1832–1833 гг. Пушкин начинает работать над «Езерским». Историками литературы неоднократно отмечалась внутренняя связь «Езерского» с «Медным всадником». «Замысел “Езерского”, написанного онегинской строфой, обещал “новый роман в стихах”: в начале (в первых вариантах) со светским героем (Зориным или Волиным), который быстро снижается под пером поэта до мелкого чиновника Езерского. Но с таким героем роман в стихах был, по-видимому, для Пушкина невозможен и оборачивался “петербургской повестью”. Метаморфозе героя принадлежала, таким образом, активная роль в возникновении “Медного всадника”» [Сурат, Бочаров, 2002, с. 153]. Полностью соглашаясь с основным тезисом исследователей, хотелось бы указать и на другую связь – с «Моей родословной». Та же тема родословной, несомненно, восходящая к варяжским князьям, пронизывает текст.

Начнем ab ovo: мой Езерский
Происходил от тех вождей,
Чей в древни веки парус дерзкий
Поработил брега морей
(Пушкин, 1977, т. 4, с. 245).

Та же затаенная боль.

Мне жаль, что тех родов боярских
Бледнеет блеск и никнет дух;
Мне жаль, что нет князей Пожарских,
Что о других пропал и слух,
Что их поносит шут Фиглярин
(Пушкин, 1977, т. 4, с. 248).

И на этом фоне характеристика героя.

Я в том стою – имел я право
Избрать соседа моего
В герои повести смиренной,
Хоть человек он не военный,
Не второклассный Дон Жуан,
Не демон – даже не цыган,
А просто гражданин столичный,
Ни по лицу, ни по уму
От нашей братьи не отличный.
Довольно смиренный и простой,
А впрочем – малый деловой
(Пушкин, 1977, т. 4, с. 250–251).

Показательно, что, вводя героя, поэт заранее стирает возможность типовой литературной маски (военный, Дон Жуан, демон, цыган), низводит Андрея Езерского до коллежского регистратора (как «Коллежский регистратор / Почтовой станции диктатор» у П. А. Вяземского). Сопоставив три произведения, легко увидеть, что Езерский занимает промежуточное положение между героем «Моей родословной» и будущим Евгением из «Медного всадника», имя которого, связанное с родословной

...в минувши времена
Оно, быть может, и блистало,
И под пером Карамзина
В родных преданьях прозвучало;
Но ныне светом и молвой
Оно забыто. Наш герой
Живет в Коломне, где-то служит...
(Пушкин, 1977, т. 4, с. 277)

В трех произведениях связь между Пушкиным, Езерским и Евгением никак не подчеркивается, да в реальности ее и не могло существовать: разница между коллежским регистратором и камер-юнкером была весьма осязаемой, но, кроме разницы, существовала симметрия: вращаясь в кругу придворной знати, Пушкин не мог не ощущать некоторой аналогии. И эта аналогия, глубоко запрятанная благодаря имплицитному мотиву родословной, позволяет увидеть сквозь фабулу «Медного всадника» новые грани сюжета.

Созданный в 1833 г. «Медный всадник» породил несколько во многом противоположных интерпретаций, число которых с течением лет увеличивалось. В статье «Колеблемый треножник», основой которой стала знаменитая речь, В. Ф. Ходасевич выделил восемь возможных истолкований:

Трагедия национальная: столкновение петровского самодержавия с исконным свободолюбием массы.

Бунт Евгения как протест личности против государственного принуждения вообще.

Петербург – окно в Европу. Трагедия Евгения как отражение проблемы «Европа и мы».

Столкновение человека с темными потусторонними силами, как в «Пиковой даме», в «Уединенном домике на Васильевском», в «Каменном госте».

Ответ на польские события 1831 года. Бунт Евгения – мятеж Польши против России.

Блистательная поэтическая полемика с Мицкевичем.

Чудесное изображение Петербурга, то благоденствующего, то всплывающего, «как Тритон».

Бесхитростная повесть о разбитых любовных надеждах маленького человека [Ходасевич, 1921, с. 31–32].

Позже, в конце 1920-х гг., Д. Д. Благой увидел в «Медном всаднике» зашифрованную картину декабристского восстания, вскоре к гипотезе Благого присоединился Андрей Белый, попытавшийся в «Ритме как диалектике» (1929) ритмологически обосновать указанную гипотезу. Легко, однако, заметить, что все версии исходят либо из мотивов, лежащих на поверхности сюжета, либо привносимых из оснований, лежащих за пределами текста.

Рискнем предположить, что имплицитный мотив родословной, глубоко спрятанный в тексте, добавляет к уже имеющимся совершенно новую интерпретацию сюжета. В спокойном течении жизни до наводнения Евгений «не тужит / Ни о почиющей родне, / Ни о забытой старине». Наводнение меняет строй личности героя. «Евгений вздрогнул. Прояснились / В нем страшно мысли» (Пушкин, 1977, т. 4, с. 285). Вполне вероятно, что в высшей точке напряжения душевных сил, предшествующих безумию героя, в нем пробудилась родовая память, и он понял, что при ином раскладе весь ход истории был бы другим. В таком случае

бунт Евгения оказывается не столько бунтом маленького человека, сколько бунтом героя, воскресившего свою родословную и прозревшего, что благодаря табуемой колоде карт именно его предки могли оказаться на месте Романовых. Но история оказалась сильнее родословной, а финал героя – ужасен. «Не дай мне Бог сойти с ума», – скажет поэт.

Таким образом, обращение к имплицитным мотивам, скрытым в тексте за серией экспликаций, может оказаться весьма полезным для более глубокого постижения смысла произведения. Поэт пишет тексты, но мыслит он не отдельно взятыми текстами, а потоками ассоциаций, которые имеют особую логику. Это логика стремительно выходит за пределы текста и формирует сверхтекстовые единства, становясь в конце концов моделью авторского мира.

Список литературы

Бремон К. Структурное изучение повествовательных текстов после В. Я. Проппа / Пер. с фр. Г. К. Косикова // Семиотика / Сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю. С. Степанова. М.: Радуга, 1983. С. 429–436.

Осповат А. Л., Тименчик Р. Д. «Печальную повесть сохранить...»: об авторе и читателях «Медного всадника». М.: Книга, 1987. 303 с.

Сурат И., Бочаров С. Пушкин: краткий очерк жизни и творчества. М.: ЯСК, 2002. 236 с.

Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика: Учеб. пособие. М.: Аспект-Пресс, 1996. 333 с.

Ходасевич В. Ф. Колеблемый треножник // Пушкин. Достоевский. Пг.: Изд. Дома Литераторов, 1921. С. 29–45.

Список источников

Булгаков М. А. Собр. соч.: В 10 т. М.: Голос, 1999. Т. 9. Мастер и Маргарита. 608 с.

Никитенко А. В. Дневник: в 3 т. Л.: Гослитиздат, 1955. Т. 1: 1826–1857. 543 с.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Л.: Наука, 1977–1979.

References

Bremon K. Strukturnoe izuchenie povestvovatel'nykh tekstov posle V. Ya. Proppa. Transl. from French by G. K. Kosikova. In: Stepanov Yu. S. (ed.). Semiotika [Semiotics]. Moscow, Raduga Publ., 1983, pp. 429–436. (in Russ.)

Khodasevich V. F. Koleblemyi trenozhnik. In: Pushkin. Dostoevsky [Pushkin. Dostoevsky]. Petrograd, Izdanie Doma Literatorov, 1921, pp. 29–45. (in Russ.)

Ospovat A. L., Timenchik R. D. “Pechal'nu povest' sohranit'...”: ob avtore i chitatel'yakh “Mednogo vsadnika” [“To Preserve the Sad Tale...”: About the Author and Readers of “The Bronze Horseman”]. Moscow, Kniga Publ., 1987, 303 p. (in Russ.)

Surat I., Bocharov S. Pushkin: Kratkii ocherk zhizni i tvorchestva [Pushkin: A Brief Essay on His Life and Work]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2002, 236 p. (in Russ.)

Шатин Ю. В. ИмPLICITный мотив и его роль в сюжете А. С. Пушкина

Tomashevsky B. V. *Teoriya literatury. Poetika* [Theory of Literature. Poetics]. A Textbook. Moscow, Aspekt-Press, 1996, 333 p. (in Russ.)

List of Sources

Bulgakov M. A. *Collected Works*. In 10 vols. Moscow, Golos Publ., 1999, vol. 9: *Master i Margarita* [Master and Margarita], 608 p. (in Russ.)

Nikitenko A. V. *Dnevnik* [Diary]. In 3 vols. Leningrad, Goslitizdat, 1955, vol. 1: 1826–1857, 543 p. (in Russ.)

Pushkin A. S. *Collected Works*. In 10 vols. Leningrad, Nauka, 1977–1979. (in Russ.)

Информация об авторе

Юрий Васильевич Шатин, доктор филологических наук, профессор

Information about the Author

Yurii V. Shatin, Doctor of Sciences (Philology), Professor

*Статья поступила в редакцию 02.06.2024;
одобрена после рецензирования 15.07.2024; принята к публикации 15.07.2024
The article was submitted on 02.06.2024;
approved after reviewing on 15.07.2024; accepted for publication on 15.07.2024*